Выходить ежедневно
утромъ.

Цена отдѣльнаго номера:
въ Ригѣ и провинціи 5 руб. лати.

ТЕЛЕФОНЪ
РЕДАКЦІИ
— № 199. —

ТЕЛЕФОНЪ
Гл. конторы
— № 96 —
Отд. на
Известковой
— № 5-24 —

СЕГГОДНЯ

НЕЗАВИСИМАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

Редакція, главная контора и экспедиція:

Рига, Гердерава площадь № 1.

Отд. конторы: Известковая 18.

Пріемъ по дѣламъ редакціи отъ 6 до 7 ч. веч. — Главная контора открыта отъ 9 ч. утра до 7 ч. веч.

Заграничные объявленія исключительно черезъ конт. объявл. Эд. Петцгольцъ

Объявленіе:

За строку петита или занимаемое ею мѣсто:

въ Латвіи:

архивъ текста 11 р. — к. латв.
фарты и увесел. учр. 15 " " "
сирость и предл. труда 5 " " "
въ текстѣ..... 50 " " "

+ 5%
гор.
налога

Подписная плата за мѣсяць:

въ Латвіи..... 125 руб.
Заграничей..... 185 "

Театръ и искусство.

2-я гастроль В. И. Качалова.

(Астровъ „Дядя Ваня“.)

Рассказывали:

— „Московский Художественный Театръ тогда впервые прѣехалъ въ Петербургъ. На его спектакль сидѣла М. Г. Савина. По окончаніи представленія она прѣехала къ своимъ знакомымъ на вечерній вечеръ. Вошла и — села на полъ... — „Боже мой!“ сказала она, блестя своими огромными, умными, черными глазами. — „Боже мой, какъ хорошо! Вотъ, наконецъ, я увидѣла настоящій театръ!“

Четыре года тому назадъ этотъ рассказъ мы повторили в В. Л. Юренева.

И я понимаю этотъ восторгъ первой русской актрисы предъ первыми русскимъ театромъ.

Я понимаю и то, что такъ и тогда, въ этихъ смѣлыхъ словахъ, такое рѣшительное и открытое признаніе могла сдѣлать именно она, кому была дана не только большой талантъ, не только чудесное художественное чутье и тонкое пониманіе искусства, но еще и большой, ясный, совѣсть не женскій умъ.

Другіе тогда (да и теперь!) объ этомъ театръ, о его духъ, направленіи, эволюціи, характерѣ, требованіяхъ, какъ и объ его отдельныхъ актёрахъ, предпочитаютъ говорить какія-то неясныя, какія-то туманныя, съ трудомъ выговариваемыя, трусливыя слова.

Только потому до сихъ поръ не рѣшились выговорить слова „ключевые“ и (да простятъ намъ иныя уши!) „гвоздальныя“ по отношению къ такому колоссу актерскаго искусства, какъ В. И. Качаловъ. А этого не нужно скрывать, этихъ опредѣленій не надо страшиться, въ этомъ уже нѣтъ сомнѣній.

Да, В. И. Качаловъ — рѣдчайшій актеръ, первоклассная художественная сила, великолѣпный мастеръ.

Отъ его игры, его образовъ, его манеръ, его рисунковъ неизмѣнно впечатлѣніе какой-то избыточествующей мощи. Искусство это то, что трудно и сложно внутри и воздушно и легко вовнѣ. Никогда, ни на одну минуту, не можетъ показаться, что Качаловъ творитъ изъ послѣднихъ силъ, что это — вадрыль (Орленскі), отдышка, пережить дыханья, напряженности или старанія.

Его спектакль — плыветъ. Всегда онъ — легко, красиво и ясно. Актеръ ведетъ свою роль, будто живетъ. Этотъ процессъ для него такъ простъ и естествененъ съ виду, какъ дыханье, движеніе, какъ сама жизнь. Въ очень хорошихъ книгахъ у большихъ писателей всегда чувствуется, что сказано не все, что многое еще осталось, что богатъ огроменъ, — такъ и Качаловская игра всегда говоритъ о какомъ то переволненіи содержаніемъ, о ослепленіи таланта, о немногихъ капляхъ, проливаемыхъ изъ переполненнаго стакана.

Театральные вечера В. И. Качалова — именно игра, потому что здѣсь, на сценѣ, имъ все свершается, дѣлается, говорится какъ бы шутя, всесторонне играючи.

Это — сила. Это и есть настоящая, большая одаренность.

Отсюда и эта легкость, и эта безбрежность, какая-то неутомляемость актёра, которая всегда становится неутомляемостью зрителя, — и онъ готовъ смѣяться, слушать, любоваться, горѣть еще, еще, еще безъ счета часовъ, безъ счета ватозъ, лишь бы радоваться этой волнующей и чудесной радостью, слетающей съ крыльгенія.

Вчера В. И. Качаловъ игралъ Астрова. Игралъ такъ, какъ можетъ играть онъ, сотворяя живое чудо, создавая предъ нами человека, — подлиннаго, яснаго, възмѣ близкаго, възмѣ понятнаго и такого простого, такого неподдѣльно естественнаго, что мы вспоминаемъ объ одномъ: гдѣ же мы встрѣчались съ нимъ, когда, въ какомъ году говорили, у кого познакомились?

Такъ и должно быть, только такъ и нужно „играть“ въ Театръ Чехова, — этого фамильнаго герба художественниковъ и самаго горячаго и убѣжденнаго поклонника.

Предъ нами былъ Астровъ со всеми своими тайными муками, идеализмомъ, русской прямою, мечтательностью и здоровьемъ, предъ нами былъ докторъ и фантазеръ, немалого фантазика и немножко чудака и здравомысль, влюбленный и протестующій, безвольный и задыхающійся, — обыкновенный человекъ обыкновеннаго русскаго уѣзда, теперь расцененнаго и развороченнаго процессами историческимъ шкаваломъ.

Слабую, бездѣтельную Елену Андреевну играла М. Н. Германова. Она создала этотъ образъ необыкновенно мягко, серьезно, живописно, четко, и онъ какъ-то по особенному роднитъ съ артисткой, волнуется, обжигаетъ, весь обжиганный тепломъ, жалостью и всеми сочувствіями, какими можетъ быть нами надѣлена и награждена женская безпомощность, самоотверженность и обреченность...

Участіе этихъ двухъ артистовъ воскресило пьесу, — отзвукъ ушедшихъ дней и жизни, — и затрелили въ нашихъ душахъ трепетныя заморозы какой-то далекой и сладкой грусти, томительнаго прекраснаго воспоминанія и еще нѣжности.

И она была отдана, какъ всегда, погибшимъ, — погибшему быту, погибшимъ надеждамъ Сова, погибшему автору, погибшимъ нашимъ мечтамъ...

ПЕТРЪ ПИЛЬСНІЙ.